

МИРУТСКИЙ ПРОЦЕСС В ИНДИИ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЛЕЙБОРИСТОВ

Н. Сомин

Могучим фактором новой эпохи, начало которой было положено победоносной Великой Октябрьской социалистической революцией, является рабочее движение в колониальных странах. Один из передовых отрядов его — молодое индийское рабочее движение — вписал не одну яркую страницу в историю борьбы за национальное освобождение Индии от английского колониального гнёта. Ещё в 1908 г. Ленин в статье «Горячий материал в мировой политике» писал по поводу первой бомбейской всеобщей политической забастовки рабочих: «Пролетариат и в Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы»¹.

Свои растущие боевые силы индийский рабочий класс продемонстрировал после Октябрьской социалистической революции, в период мощного революционного подъёма в Индии. В 1921 г. в Британской Индии было около 400 стачек, в которых участвовало более 500 тыс. рабочих; в 1928 г. — более 200 стачек с участием 507 тыс. рабочих. На каждого бастовавшего рабочего в 1921 г. падало 12,5 дня забастовки, а в 1928 г. — 62,5 дня.

В 1928—1929 гг. имели место три всеобщие забастовки индийских рабочих: две забастовки бомбейских текстильщиков, в ходе борьбы которых был создан массовый революционный профсоюз «Гирни Камгар», и одна стачка железнодорожников Великой индийской полуостровной магистрали. В процессе забастовочной борьбы 1928—1929 гг. укрепилась сплочённость индийского пролетариата и возросла его роль в национально-освободительном движении и во всей политической жизни страны. Особенно высоко поднялась роль пролетариата в национально-освободительном движении Индии в период второй стачки бомбейских текстильщиков в 1929 г., носившей резко выраженный политический характер, и в период осуществления рабочими активного бойкота так называемых королевских комиссий Саймона и Уитли.

Именно тогда начался медленный, но неуклонный процесс высвобождения рабочих

масс из идейного и организационного плена национал-реформистской буржуазии. Этот процесс нашёл своё выражение в создании рабоче-крестьянских партий. В 1927 г. в Бомбее и Калькутте были созданы бомбейская и бенгальская рабоче-крестьянские партии. В 1928 г. такие же партии образовались в Пенджабе, в Центральном и Соединённых провинциях. В декабре 1928 г. в Калькутте была создана всендийская рабоче-крестьянская партия.

Несмотря на свои недостатки того периода, рабоче-крестьянские партии стояли на прогрессивной платформе борьбы за национальную независимость и демократические преобразования Индии. В ряде случаев они давали возможность деятелям левого профсоюзного движения объединяться под руководством коммунистов.

Под влиянием выступлений индийских рабочих поднималось и крестьянское движение. Начавшись с отказа уплачивать налоги и долги ростовщикам, крестьянское движение быстро дошло до вооружённых выступлений и втянулось в общий поток борьбы за независимость Индии.

В 1929 г. крестьянские волнения происходили в разных концах огромной страны: в Пенджабе, Центральном провинциях, Маджасском и Бомбейском президентствах, Бирме, Альваре, Кашмире, Северозападной пограничной провинции и др. Ещё осенью 1928 г. газета «Бомбей кроникл» подчёркивала в редакционной статье, что за последнее время наблюдается «общее возбуждение индийского крестьянства»².

В 1928 г. в Индию прибыла королевская комиссия Саймона, которая должна была выработать предложения об изменении индийской «конституции». В составе этой комиссии не было ни одного индийца. Уже одно это обстоятельство свидетельствовало о подлинном империалистическом характере той «конституционной» реформы, которую собиралось осуществить в Индии консервативное правительство Болдуина. Прибытие комиссии Саймона послужило толчком

² «The Bombay Chronicle» от 17 октября 1928 года.

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 306.

к дальнейшему подъёму борьбы народных масс Индии против колониального гнёта английских империалистов.

Руководство Индийского национального конгресса в вопросе о комиссии Саймона заняло соглашательскую позицию. Оно склонялось к тому, чтобы найти общий язык с англичанами, и готово было ограничиться требованием для Индии статута доминанты. Между тем в таких крупных промышленных центрах, как Бомбей, Калькутта и другие города, проходили рабочие демонстрации под лозунгами: «Саймон, вон из Индии!», «Да здравствует полная национальная независимость!»

Подобными же антиимпериалистическими выступлениями рабочих была встречена в 1929 г. и комиссия Уитли, официальная цель которой состояла якобы в обследовании положения рабочего класса в Индии. На деле же комиссия Уитли изыскивала средства, при помощи которых можно было бы парализовать движение индийских рабочих.

Специфически пролетарскими методами борьбы индийский рабочий класс активизировал национально-освободительное движение народов Индии против английских колониальных угнетателей. Вот почему английский империализм всеми способами пытался задушить индийское рабочее движение. В ответ на рабочие демонстрации он пустил в ход дубинку полицейского террора. Забастовки и демонстрации стали беспощадно подавляться силою оружия. Расстрелы были обычным явлением.

Дополняя репрессивные акты властей в Индии, английская империалистическая пропаганда развернула кампанию «разоблачения» индийских коммунистов, изображая их как «агентов Москвы». Английский полковник Гидни, выступая в январе 1929 г. на годичном собрании Англо-индийской ассоциации в Калькутте, заявил, что «величайшей опасностью, перед лицом которой стоит в настоящее время Индия... является коммунизм, распространяющийся с угрожающей быстротой и особенно прочно укоренившийся в профсоюзном движении»³. В этом же смысле высказался на заседании Европейской ассоциации в декабре 1928 г. и глава английского колониального аппарата в Индии вице-король лорд Ирвин. Ирвин пытался найти способы предупреждения «коммунистической опасности» в Индии в сочетании полицейского террора и «либеральной» рабочей политики. Он говорил: «Работа коммунистов бесспорно будет значительно менее успешной, если будет устранена несправедливость там, где она существует. Если мы хотим успешно бороться с коммунизмом, правительство и предприниматели должны доказать массам, что именно они, а не коммунисты являются их подлинными друзьями»⁴. Однако устранить «несправедливость» и стать «подлинными друзьями» масс английские власти в Индии не могли. «Либерализм» палачей вылился в форму новых, ещё более жестоких насилий и притеснений рабочего класса.

Тревога британских властей в Индии отразилась в ежегодном «Отчёте» англо-индийского правительства, представленном парламенту за 1929—1930 год. Составители «Отчёта» были озабочены «ростом коммунистической пропаганды и влияния, особенно среди индустриальных крупных городов». Признавалось, что именно для предотвращения «коммунистической опасности» в Индии был проведён закон «об общественной безопасности»⁵, внесённый вице-королём Ирвином в чрезвычайном порядке. Этот закон не захотело принять даже послушное и исполнительное по своему специально подобранному составу «законодательное собрание» Британской Индии.

Реакционные английские чиновники из административного аппарата Индии во главе с вице-королём отказывались признавать глубокую историческую закономерность национально-освободительной борьбы индийского народа. Со свойственным им скудоумием они предпочитали объяснять борьбу индийского народа за свою независимость «кознями Москвы», «деятельностью агентов Коминтерна». Англо-индийским чиновникам было невдомёк, что революционный марксизм в силу своей жизненной правды находит живой отклик в рабоче-крестьянских массах Индии и что восприятие его облегчалось самой политикой колониального гнёта, осуществлявшейся в Индии английским империализмом.

Грубые приёмы преследования и жестокой расправы английских колониальных хозяев с передовыми деятелями рабочего движения Индии должны были найти своё «оправдание» в Мирутском процессе. Этот процесс происходил в небольшом городке Мируте (неподалёку от Дели) и длился более четырёх лет, вызвав широкое возмущение прогрессивной общественности и рабочего класса всего мира. На этом процессе английский империализм сделал попытку представить миру «чудовищный заговор» коммунистов, выступить в роли «спасителя» мира от «коммунистической опасности».

Мирутский процесс в Индии представлял собой крупнейшую судебную репрессию и провокацию британских империалистов против деятелей левого профсоюзного движения Индии.

Преследуя далеко идущие цели, вице-король Индии, консерватор лорд Ирвин (впоследствии принявший имя лорда Галифакса, один из главных инициаторов и «героев» политики Мюнхена), возбудил в 1929 г. судебное преследование 32 лидеров индийских профсоюзов за деятельность, которая в самой метрополии считалась абсолютно легальной. По лживой версии англо-индийской полиции и представителей английского обвинения, 32 арестованных деятеля левого профдвижения будто бы организовали заговор с целью свергнуть власть английского

³ «The Forward» от 25 января 1929 года.

⁴ «The Bengalee» от 18 декабря 1928 года.

⁵ «Statement exhibiting the moral and material progress and conditions of India», p. 6. 1929—1930.

короля в Индии, заменив правительство «его величества» правительством пролетарской диктатуры. Главным виновником этого «заговора», по утверждению англо-индийских властей, был Коммунистический Интернационал.

Представители короны на процессе уверяли, что Коминтерн якобы организовал и финансировал заговор, что существовавшая в то время индийская рабоче-крестьянская партия была лишь маскировочной организацией, за спиной которой якобы действовала коммунистическая партия Индии. (Между тем было хорошо известно, что компартия Индии как организация всендийского масштаба тогда ещё не существовала. Разрозненные группы индийских коммунистов объединились в партию лишь в 1933 г., т. е. после окончания Мирутского процесса.)

Судебный процесс тянулся с 20 марта 1929 г. по 3 августа 1933 года. Он тщательно подготовлялся полицейским аппаратом английских властей в Индии, начиная с 1928 года. Аресты 32 подсудимых были произведены в марте 1929 г., во время пребывания в Англии у власти консервативного кабинета Болдуина, с одобрения которого и был начат этот процесс. Но 8 июня того же года к власти в Англии пришло второе лейбористское правительство — Макдональда, — просуществовавшее до августа 1931 года. Таким образом, вплоть до 24 августа 1931 г. процесс продолжался при втором лейбористском правительстве, не пожелавшем прекратить комедию суда над передовыми представителями индийского рабочего класса. Последние два года (с августа 1931 по август 1933) судебный процесс происходил при «национальном» правительстве, возглавлявшемся тем же Макдональдом.

Мирутский процесс явился ярким примером империалистического террора в колониальной стране, направленного к тому, чтобы ослабить и подавить национально-освободительную борьбу. Инсценируя его, британские власти в Индии хотели обезглавить революционное профсоюзное движение и запугать массы арестами и судом. Наряду с этим британские власти в Индии имели в виду также припугнуть индийскую национальную буржуазию жульем «коммунистической революции», чтобы сделать её более уступчивой и сговорчивой с британскими империалистами.

Таким образом, судебный процесс в Мируте должен был стать предлогом для усиления террора против коммунистов, должен был воспрепятствовать формированию индийской коммунистической партии⁶. Однако Мирутский провокационный судебный процесс был задуман не только как диверсия против левого профсоюзного движения в Индии: он должен был воздействовать и на внутреннюю политическую обстановку в самой Англии. Организуя его, консерваторы пытались в грандиозном масштабе повто-

рить свой старый трюк с так называемым «письмом Коминтерна».

В мае 1929 г. предстояли общепарламентские выборы. Мартовские аресты 1929 г. в Индии, как и самое начало политического процесса, должны были сыграть роль предвыборной диверсии в интересах консерваторов. Консервативное правительство Болдуина намерено было посредством Мирутского процесса размазывать «коммунистическую опасность», угрожавшую якобы всему капиталистическому миру. Имелось в виду использовать процесс и для идеологической подготовки новой антисоветской интервенции. Таким образом, Мирутский процесс был одновременно и карательной и «профилактической» мерой англо-индийских властей против национально-освободительного движения в Индии. Англо-индийские власти не пожалели денег на проведение Мирутского процесса. В условиях хронического дефицита вице-король Индии отпустил на это дело 1 крор (10 млн.) рупий⁷.

Не было ничего удивительного в том, что Мирутское дело было подготовлено британскими властями в Индии во время правления консервативного кабинета Болдуина. Консерваторы справедливо всегда считались наиболее ярыми защитниками интересов британского колониального империализма. Но от прошедших 8 июня 1929 г. к власти лейбористов прогрессивное общественное мнение английского народа, всего мира ожидало совсем иной колониальной политики и, в частности, прекращения преследования деятелей индийских профсоюзов, серьёзных уступок индийскому национально-освободительному движению. Второе лейбористское правительство совершенно не оправдало и, конечно, не могло оправдать этих надежд. В короткий срок стало ясно, что лейбористы без всяких изменений восприняли и продолжили политику консерваторов не только по отношению к мирутским узникам, но и в целом по отношению к народам Индии, поднявшимся на борьбу против английского колониального гнёта.

Мирутский процесс прошёл три стадии развития, предопределённые англо-индийской системой судопроизводства⁸. Для бри-

двумя мировыми войнами имели своей единственной целью развязать террор против рабочего класса и коммунистов (Thompson and Garratt. Rise and Fulfilment of British Rule in India, p. 631. London. 1935).

⁷ «Liberty» от 23 апреля 1929 года.

⁸ Особенность этой системы заключается в том, что она не знает предварительного следствия. Степень подсудности того или другого дела определяет не прокурор по материалам следствия, а полицейский, так называемый магистратский суд. В случае, если магистратский суд признает то или другое дело подлежащим рассмотрению, такое дело поступает в обыкновенный суд низовой инстанции — сессионный суд. Последний бывает двух родов: либо суд с участием асессоров либо суд присяжных в обычном

⁶ В книге «Возникновение и развитие британского правления в Индии» два буржуазных историка, Томпсон и Гарратт, открыто признали, что все антикоммунистические процессы в Индии в период между

танских колониальных властей в Индии не представляло больших затруднений создать повод для организации провокационной судебной инсценировки.

В ночь на 21 марта 1929 г. в административных, промышленных и рабочих центрах (Бомбее, Калькутте, Дакке, Пуне, Лякнау, Аллахабаде, Джанси и других городах) органами англо-индийской охраны было произведено до 200 домашних обысков и около 100 арестов. Десятки грузовиков, наполненных захваченной литературой и бумагами, выгружались в служебных помещениях полицейских чиновников, которые под руководством чиновника особых поручений информационного бюро при департаменте внутренних дел Индии англичанина Р. А. Гортона немедленно приступили к подготовке обвинительного материала по делу о «всеиндийском коммунистическом заговоре».

Среди арестованных находились активные деятели индийских профсоюзов, в том числе: С. А. Данге — помощник секретаря Всеиндийской конфедерации тред-юнионов, генеральный секретарь революционного профсоюза бомбейских текстильщиков «Гирни Камгар», один из руководителей бомбейской рабоче-крестьянской партии; С. С. Миралджар — секретарь тред-юниона рабочих Англо-индийской навигационной компании, секретарь бомбейской рабоче-крестьянской партии, кандидат от рабочих на муниципальных выборах в Бомбее; Музаффер Ахмед — секретарь рабоче-крестьянской партии Бенгалия, редактор «Ганавани» («Голос народа»), вице-президент профсоюза калькуттских метельщиков, вице-президент Всеиндийского конгресса тред-юнионов; П. Ч. Джоши — студент-юрист Аллахабадского университета, секретарь рабоче-крестьянской партии Соединённых провинций, член исполкома всеиндийской рабоче-крестьянской партии, редактор газеты «Кранги-Кари»; Дж. Адхикари — журналист, печатавшийся в бомбейской социалистической газете «Спарк» («Искра»); С. С. Джош — президент 1-й всеиндийской конференции рабоче-крестьянских партий, состоявшейся в Калькутте в декабре 1928 года. Кроме того был арестован англичанин Б. Ф. Бредли, механик по профессии, член исполкома профсоюза рабочих Великой индийской полуостровной железной дороги и активный деятель «Гирни Камгар». Позднее, 17 июня 1929 г., был арестован

смысле слова. Ассессоры в индийском суде не в пример присяжным обладают лишь правом совещательного голоса. Обычно в качестве ассессоров приглашаются студенты-юристы, проходящие стажировку. Сессионный суд с участием присяжных функционирует исключительно в больших городах. Решение сессионного суда может быть обжаловано в высшем суде, имеющемся в каждой провинции. В случаях принципиального расхождения сессионного судьи с присяжными по существу дела судья может представить дело в высший суд провинции на предмет изменения или отмены приговора (Ваннерjee. The Indian Constitution, p. 404—405. 1926).

ещё один англичанин, молодой журналист Хетчинсон.

Судебному преследованию подверглись 32 левых деятеля индийского профдвижения, среди которых только 14 подсудимых были коммунистами, а шесть объявили себя коммунистами по убеждению во время процесса. Что же касается остальных 12, то среди них были люди самых разнообразных политических взглядов, не имевших никакого отношения к коммунистическому движению.

Суд над видными деятелями индийских профсоюзов вызвал взрыв негодования среди индийских рабочих, что вынудило некоторых лидеров Индийского национального конгресса взять на себя дело организации юридической защиты обвиняемых. Был создан Центральный комитет защиты мирутских узников, в состав которого вошли видные представители Национального конгресса: Мотилал Неру, Ансари, К. Ф. Нариман, нынешний премьер-министр Индостана Джавахарлал Неру и др.

Центральный комитет объявил сбор средств в фонд юридической защиты мирутских узников. В скором времени в Бомбее, Калькутте, Лагоре, Аллахабаде, Мироте и других городах были созданы местные комитеты защиты мирутских узников. В Бомбее и Калькутте были организованы кроме того рабочие комитеты защиты. На собранные деньги были наняты адвокаты, которые защищали обвиняемых по Мирутскому делу. Однако денег не хватало: фонд был скуден. Рабочим колониальной страны трудно было выделить из своей нищенской заработной платы большие суммы на поддержку товарищей по борьбе. Что же касается индийской буржуазии, то она решительно не хотела и не собиралась помочь мирутским узникам.

Лидер индийской буржуазии Джавахарлал Неру, являвшийся в то время членом Центрального комитета защиты, вынужден был признать в своей «Автобиографии» наличие серьёзных трудностей, встречавшихся на пути комитета, при сборе средств для организации юридической защиты мирутских узников. «Собрать деньги было нелегко, — писал он. — Денежные люди не имели большой симпатии к коммунистам, социалистам, рабочим-агитаторам».

Вместе с тем Неру был смущён алчностью адвокатов, желавших хорошо заработать на защите мирутских узников: «Адвокаты хотели продать свой труд за полный фунт чьего-либо мяса... Я удивлялся жадности людей моей собственной профессии... Мы вынуждены были собирать деньги, часто медяки, у бедных рабочих и платить крупные чеки адвокатам»⁹.

Центральный комитет защиты мирутских узников просуществовал недолго. Он распался в 1929 г., так как лидеры Национального конгресса очень быстро солидаризировались с лживыми сказками прокураторы о «всеиндийском коммунистическом заговоре» и о той опасности, которую представляют

⁹ Nehru J. An Autobiography, p. 188—139. London. 1936.

собой обвиняемые по Мирутскому процессу, и отказались их защищать.

Нельза обойти молчанием это предательство руководства Национального конгресса. Последнее в известном пакте Ирвин — Ганди, подписанном 5 марта 1931 г., обещало прекратить кампанию гражданского неповиновения и изъявило согласие участвовать в Лондонской конференции «круглого стола». Вице-король Ирвин, с своей стороны, заявил об амнистии политическим заключённым, «не замешанным» в насильственных действиях.

Таким образом, по этому соглашению, лидеры конгресса согласны были амнистировать лишь участников движения мирного «несотрудничества», возглавлявшегося Ганди. Мирутские же узники, обвинявшиеся в намерении насильственного низвержения существующего строя, заведомо лишались амнистии вице-короля Индии.

Необходимо отметить также причины, по которым процесс о «всендийском коммунистическом заговоре» был организован именно в Мируте, этом небольшом, захолустном городе «чиновников и обезьян», хотя только двое из 32 обвиняемых по Мирутскому делу проживали до процесса в Мируте; из других подсудных 22 человека постоянно работали в Бомбее или Калькутте, остальные — в Пуне, Дакке, Алахабаде, Джанси и других городах, и, таким образом, согласно уголовно-процессуальному кодексу, власти обязаны были организовать суд в Бомбее или Калькутте. Но Мирут был удобным местом суда для колониальных властей потому, что в этом городе, не являвшемся промышленным центром, можно было не опасаться массовых демонстраций протеста против судебного произвола империалистов, чего нельзя было бы избежать, если бы процесс слушался в крупном рабочем центре — Бомбее или Калькутте. Кроме того англо-индийские власти избрали Мирут местом суда над руководителями индийских профсоюзов с тем, чтобы избежать суда присяжных: в 1924—1927 гг., во время антикоммунистических процессов, присяжные неизменно оправдывали подсудимых.

Первая стадия Мирутского процесса — полицейский следственный суд специального магистрата Мильнера Уайта — продолжался около семи месяцев (с 12 июня 1929 по 14 января 1930 года).

После обычной процедуры опроса подсудимых с обвинительным заключением от имени короны выступил старший советник обвинения Ланфорд Джемс — в прошлом президент крайне реакционной «Европейской ассоциации» в Калькутте. Формула обвинения на основании статьи 121-а индийского уголовного кодекса гласила, что 32 обвиняемых были причастны к составлению заговора с целью низвержения в Индии правительства «его величества» короля-императора и установления правительства диктатуры пролетариата.

Несмотря на продолжительность своей речи (17½ часов, что заняло четыре полных судебных заседания), несмотря на все пущенные в ход софизмы и логические натяжки, Джемс вынужден был признать, что он не в состоянии привести доказательство

по главной формуле обвинения. «Я считаю, — говорил Джемс, обращаясь к магистрату Уайту, — что вы придёте к тому заключению, что они (обвиняемые. — Н. С.) именно составляли такую партию (заговорщиков. — Н. С.), и если они не примкнули фактически, то были на пути к тому, чтобы примкнуть к III Интернационалу»¹⁰.

После обвинительного обращения Джемса магистратский суд заслушал показания 320 свидетелей со стороны обвинения.

По газетным отчётам о Мирутском процессе нам удалось ознакомиться с выступлениями 117 свидетелей, из которых более половины были чинами полиции (инспектора, чиновники, полицейские репортёры, жандармы и т. д.). Большая часть остальных свидетелей также находилась на государственной службе. Это были чиновники почты, таможни и других ведомств, т. е. лица, зависевшие от властей в силу своего служебного положения. Среди всей этой массы свидетелей обвинения нашлось немало провокаторов и шпионов, показания которых были явно инспирированы начальством. Любопытно отметить, что на судебном заседании 26 октября 1929 г. при заслушивании показаний двух свидетелей из французской жандармской службы в Пондишери было установлено наличие «трогательного» сотрудничества английской и французской полицейских служб. На судебном заседании 29, 30 октября и 2, 5 ноября 1929 г. в качестве «свидетелей» выступили пять офицеров «Скотленд-ярда», прибывших специально с этой целью из Лондона.

Когда же дело коснулось привлечения из-за границы свидетелей защиты, то судья отказал в этом обвиняемым, ссылаясь на закон, налагающий будто бы запрет на вызов свидетелей из-за границы.

Чтобы деморализовать мирутских узников, судебные и тюремные власти создали для них неслыханно тяжёлый режим: они были заключены в окружную тюрьму Мирута, в грязные, плохо приспособленные к климатическим условиям Индии бараки. О потрясающих антисанитарных условиях тюремных говорит хотя бы тот факт, что 2 мая 1929 г. там были два случая смерти от холеры. Заключённых изнуряли тяжёлой работой и морили голодом, подвергали издевательствам и унижениям. Тюремные власти намеренно долго задерживали вручение присылавшихся мирутским узникам писем и денежных переводов. Исключительно строгой была цензура писем. Как выяснилось из заявления, сделанного на процессе надзирателем мирутской тюрьмы Абдул-Азисом, одной из причин задержки писем для заключённых было их обязательное предварительное фотографирование. О тюремных порядках писать не разрешалось. Если в письме заключённого что-либо находили по этому вопросу, то соответствующее место полностью вычёркивалось¹¹.

¹⁰ «The Bombay Chronicle» от 25 июня 1929 года.

¹¹ Обвиняемый англичанин Б. Ф. Бредли довольно ясно выразил это обстоятельство в одном из своих писем: «Я не описываю

Установленный для подсудимых режим издевательства, унижавший их человеческое достоинство, нашёл своё выражение в полицейских личных обысках подсудимых при входе и выходе из зала судебного заседания.

Все усилия организаторов Мирутского процесса были направлены на то, чтобы в максимальной мере затруднить обвиняемым возможность защищаться. Так, законная просьба 6 обвиняемых, совершенно не понимавших английского языка, на котором велось судопроизводство, перевести слушание дела на местные языки (маратхи и бенгали) была удовлетворена только после пяти недель упорной борьбы заключённых.

Вопреки существующему по закону порядку судебная администрация не желала выдавать подсудимым стенограммы ежедневных судебных заседаний. Лишь после неоднократных протестов адвокатов удалось добиться от магистрата регулярной бесплатной выдачи трёх экземпляров стенограмм ежедневных судебных заседаний. Судебные власти в максимальной степени затрудняли непосредственную работу адвокатов во время процесса. К своим подзащитным они допускались в строго ограниченные часы, причём их заставляли подолгу ждать пропусков¹².

Несмотря на все эти препятствия и помехи, адвокаты вскрыли полную несостоятельность обвинения, построенного на измышлениях и крайне недобросовестной подтасовке фактов. Они сделали также ряд возражений процессуального порядка.

Но магистрат и обвинение мало считались с этими справедливыми замечаниями защиты. Выполняя волю англо-индийских властей и зная, что второе лейбористское правительство полностью поддерживает вице-короля Индии, консерватора лорда Ирвина, они напролом шли к своей цели.

14 января 1930 г. М. Уайт объявил мирутским узникам своё решение, озглавленное как «приказ», согласно которому 31 обвиняемый предавался сессионному суду. М. Уайт сообщил, что все подсудимые, за исключением одного из них — гандиста Чоудхори Дхарамвира Сингхи — признаны им виновными в участии в заговоре, направленном к лишению английского короля его власти в Британской Индии, за что они и предаются суду, согласно статье 121-а индийского уголовного кодекса.

На этом закончился следственный суд магистрата М. Уайта.

31 января 1930 г. дело о «всеиндийском коммунистическом заговоре» 31 лидера левого профсоюзного движения начало слушаться в сессионном суде города Мирута. Судьей был назначен старый бюрократ индийской гражданской службы, англичанин Р. Л. Йорк, слушавший дело мирутских узников в присутствии пяти ассессоров-индий-

цев¹³. Обвинители выступали в том же составе, что и на магистратской стадии процесса.

Положение мирутских узников к этому времени серьёзно ухудшилось. Окончательно истощились средства в фонде защиты. Подсудимым не на что было нанять адвокатов. Только двое из прежних защитников изъявили своё согласие временно в кредит защищать подсудимых. Однако подсудимые не оказались беспомощными. В феврале 1930 г. они сами взялись за организацию своей юридической защиты. Мирутские узники опубликовали в печати заявление о том, что они берут в свои руки дело юридической защиты, и просили все жертвователи направлять вновь избранному казначею из среды подсудимых — Б. Ф. Бредли.

Обвинительное обращение Л. Джемс на этот раз растянул на целых десять заседаний. Надо иметь в виду, что прокурор-англичанин был лично заинтересован в максимальном затягивании процесса, так как получал за него очень высокий гонорар — 100 фунтов стерлингов ежедневно, включая выходные дни.

После окончания обвинительного обращения Л. Джемса (11 февраля 1930 г.) суд в течение долгих 13 месяцев (до 17 марта 1931 г.) слушал показания свидетелей обвинения. Как и в обвинении Джемса, так и в показаниях свидетелей, обвинения на этой стадии процесса не было ничего нового по сравнению с тем, что они показали в магистратском суде Уайта.

14 февраля 1930 г. подсудимые Бредли и Хетчинсон при содействии адвоката Сингхи потребовали от судьи Йорка прервать процесс для организации подсудимыми юридической защиты. Судья Йорк просьбу отверг, но суд пришлось прервать, потому что мирутские узники подали местным властям жалобу на произвол Йорка.

В своей жалобе мирутские узники сформулировали также требования о создании элементарных условий, необходимых для организации юридической защиты. Подсудимые ходатайствовали о предоставлении им права встреч с адвокатами, друзьями и родственниками, права пользования книгами для чтения и права неограниченной определённым временем покупки пищи через тюремный персонал и полицию. Наименее существенные из этих требований впоследствии были удовлетворены¹⁴. Однако на протяжении всей остальной части процесса судья и тюремная администрация продолжали активно препятствовать организации нормальной юридической защиты подсудимых.

Законные требования обвиняемых и их адвокатов о вызове свидетелей защиты встречали со стороны судьи Йорка явно враждебный отпор. Индийская газета «Либерти» в конце декабря 1931 г. сообщила о сводном списке свидетелей защиты, ко-

условий, существующих в здешней тюрьме, так как я желаю, чтоб это письмо дошло до вас» («The Worker's life» от 18 октября 1929 года).

¹² Hutchinsoп. Conspiracy at Meerut, p. 88—89.

¹³ Ассессоры были очень ограничены в своих правах и имели лишь совещательный голос. Судья мог совсем не принимать в расчёт соображений ассессоров.

¹⁴ «The Bombay Chronicle» от 21 февраля 1930 года.

тых адвоката мирутских узников просила вызвать на суд. Этот список включал 264 свидетеля, из которых 50 необходимо было вызвать из-за границы. По поводу последних судья Йорк, так же как это имело место во время магистратского суда, заявил, что ни он сам, ни правительство Индии якобы не имеют права вызывать свидетелей из-за границы. Это было явной ложью, ибо семь свидетелей обвинения, вызванные из Пондишери и Лондона, были опрошены судьями. Что же касается свидетелей, находившихся в Индии, то судья Йорк довёл до сведения мирутских узников, что «вопрос об оплате этих свидетелей не может быть даже поднят»¹⁵.

В то же время вопрос об оплате 320 свидетелей, привлечённых на Мирутский процесс обвинением, вообще не поднимался судом. Вознаграждение им подразумевалось само собой. При условии затруднённого финансового положения мирутских узников это означало фактическое лишение их возможности защищаться.

Британские власти в Индии всячески препятствовали сбору денег, необходимых для расходов на организацию юридической защиты мирутских узников. Так, бомбейский губернатор отослал назад в США 500 долларов, присланных друзьями мирутских узников в защитный фонд, в связи с чем 12 мая 1931 г. казначей фонда защиты Б. Ф. Бредли выступил в судебном заседании с протестом.

По этому поводу «левый» лейборист Броквэй сделал 29 июня 1930 г. запрос в британском парламенте, адресованный лейбористскому министру по делам Индии Веджвуду Бену. В своём ответе лейбористский министр не постеснялся оклеветать мирутских узников, заявив, что эти 500 долларов были присланы якобы не для оплаты расходов по защите подсудимых на суде, а для проведения общей революционной работы и что будто бы правительство Индии отпускает достаточно средств для защиты каждого из мирутских узников¹⁶.

Действительные факты этой «помощи» правительства таковы: 19 июня 1931 г. министр внутренних дел индийского вице-короля затребовал от судьи Йорка сведения об адвокатах, которые защищают мирутских узников. При этом министр сообщил, что правительство ассигновало в качестве гонорара за каждый ангажмент по 50 рупий. На такую ничтожную сумму, разумеется, нельзя было нанять адвоката для ведения процесса. Достаточно напомнить, что старший советник обвинения на Мирутском процессе получал в день 100 ф. стерлингов¹⁷.

Несмотря на преследования и террор властей, большинство мирутских узников вело себя мужественно, как и подобало революционерам. Они понимали огромное политическое значение процесса для международного рабочего движения и для разоблаче-

ния империалистической политики стоявших в то время у власти лейбористов.

Английский механик Бредли, привлечённый к Мирутскому процессу за участие в профессиональном движении Индии, писал своим друзьям в Лондон: «Наши товарищи в Англии могут быть уверены, что мы будем держать развёрнутым знамя до конца, мы понимаем, что этот процесс должен так же много дать индийским народным массам, как и британским рабочим... для того, чтобы разоблачить империалистическую политику лейбористов»¹⁸.

В своих выступлениях мирутские узники в лице коммунистов и примыкавших к ним по убеждениям членов рабоче-крестьянской партии разоблачали британский империализм и указывали индийским трудящимся путь к национальной независимости и свободе.

Обвиняемый Адхикири в своём выступлении заявил: «Так называемый заговор... состоит из действий, которые рассматривались бы как совершенно нормальные в других странах. Я имел коммунистическую литературу, был членом рабоче-крестьянской и коммунистической партии, выступал на митинге в день годовщины смерти Ленина и, наконец, написал несколько статей в газету «Спарк» («Искра»). Эти действия не говорят ни о чём другом, как о распространении политических взглядов и принадлежности к политической партии, которая открыто выступает за осуществление независимости Индии от британского империализма путём революции. Но в Индии это рассматривается, как высшая государственная измена»¹⁹.

Ту же мысль о преследовании за легальную деятельность и убеждения повторил в своей защитной речи английский журналист Хетчинсон: «Я не стыжусь ни одного моего поступка и ни в чём не раскаиваюсь. Вы можете осудить меня, но всё, что вы можете написать, не изменяя фактов, это то, что я осуждён за мои убеждения и деятельность, которые являются легальными и нормальными в любой стране мира, где не господствует правительственный террор»²⁰.

Отмечая несостоятельность обвинения мирутских узников в заговоре, подсудимый Сохан Сингх Джош в своей речи заявил: «Все показания свидетелей только подтвердили, что мы придерживались известных взглядов и пропагандировали их. Это обвинение было обвинением за определённые взгляды, а не за противозаконные действия. Содержавшиеся в деле вопросы были вопросами элементарных прав гражданства, свободы слова и права ассоциации»²¹.

Обвиняемые Хетчинсон и Бредли разоблачили методы, какими обвинение добыло «компрометирующие» подсудимых «доку-

адвоката было не чем иным, как глумлением над мирутскими узниками.

¹⁵ «Liberty» от 26 декабря 1931 года.

¹⁶ «The Hindu» от 30 июня 1931 года.

¹⁷ «Liberty» от 23 июня 1931 года. Для сравнения необходимо иметь в виду, что 100 ф. ст. равны 1333 рупиям. Таким образом, назначение 50 рупий на приглашение

¹⁸ «The Daily Worker» от 14 января 1930 года.

¹⁹ «The Bombay Chronicle» от 23 сентября 1931 года.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

менты» и таинственные шифрованные письма. По существу, это было контробвинение в подлоге, предъявленное подсудимыми англо-индийским властям и полиции. «Мои речи были так искажены и перепутаны, что во многих местах их смысл был изменён. Речи, которые считаются моими, фактически наполовину мои, наполовину их авторами являются полицейские репортёры»²², — заявил Хетчинсон.

Бредли рассказал, как полиция сочиняла «шифрованные» письма: «Полиция перехватывала невинные дружеские послания и на их основе выдумывала таинственные письма»²³.

Обвиняемые резко подчеркнули на процессе буржуазно-классовый характер возбуждённого против них судебного преследования. Опровергнув вымышленную обвинением версию об организации антиправительственного заговора в Индии, коммунисты — мирутские узники — вместе с тем широко использовали трибуну суда для разоблачения политики английского империализма в Индии, для пропаганды марксистско-ленинского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Они дали ясную оценку всем вопросам революционного движения в Индии и роли рабочего класса в национально-освободительной борьбе. Таковы были выступления большинства обвиняемых по Мирутскому делу.

Только незначительная часть обвиняемых (национал-реформисты различных оттенков) заняла позицию личной защиты, сбиваясь на неуместные оправдания.

Дальнейшая часть процесса протекала в период пребывания у власти «национального» правительства.

На судьбе мирутских узников эта перемена, конечно, не отразилась, и машина судебного террора британских империалистов в Индии довела дело до конца. Согласно решению сессионного судьи Йорка по Мирутскому делу 16 января 1933 г., были признаны виновными и приговорены: Музаффер Ахмед — к пожизненному заключению в каторжной тюрьме; Данге, Джоглекар, Гате, Спратт, Нимбокар — к 12 годам тюрьмы; Усмани, Мираджкар и Бредли — к 10 годам заключения; Госвами, Сохан Сингх Джош, Меджид — к 7 годам; Адхикари, Пуран Чанд Джоши, Прасад, Десей — к 5 годам; Чакроверти, Басак, Митра, Джабвала, Хетчинсон, Сейгал — к 4 годам; Худа Шанкер, Альв, Кадам, Касл — к 3 годам; лишь трое подсудимых — Мукерджи, Гхош и Ванерджи — были оправданы²⁴. При этом осуждённым не были засчитаны те 4 года предварительного заключения, в течение которых длился процесс.

После оглашения приговора тюремный режим для мирутских узников стал совершенно невыносимым. Заключённых изнурили нестерпимо частыми проверками; они не имели права спать на койках, а обязаны были спать на соломенных цыновках, которые клали прямо на землю; их заставляли выполнять тяжёлую физическую работу: но-

сить груз, качать воду, молоть кукурузу или зерно, давить масло, вить верёвки. За работой наблюдали надсмотрщики из наиболее жестоких уголовников, беспощадно избивавшие осуждённых; их морили голодом. Медицинская помощь отсутствовала. Долгое время мирутские узники были лишены права пользоваться книгами и газетами. Только раз в три месяца они имели право получать и посылать письма родным.

Неслыханно жестокие приговоры судьи Йорка над мирутскими узниками вызвали сильное возмущение мирового общественного мнения. Кампания международной солидарности и протеста против судебной расправы с мирутскими узниками охватила широкие прогрессивные круги не только в самой Индии, но и в Англии, Франции, Дании, Ирландии, Германии, Австрии и в других странах. В ней приняли участие выдающиеся писатели и учёные: Ромэн Роллан, Герберт Уэллс, проф. Эйнштейн, проф. Тоуни, юрист Притт и др. Кампания приняла такие размеры, что под давлением мирового общественного мнения британские империалисты вынуждены были пойти на «исправление» слишком неуклюжей работы сессионного судьи Йорка. В апелляционной инстанции, в Аллахабадском высшем суде, приговоры Йорка были пересмотрены и смягчены, а частью и вовсе кассированы. Так, 9 обвиняемых были оправданы, 5, просидевших в тюрьме до осуждения в предварительном заключении свыше 4 лет, Аллахабадский высший суд решил освободить. Для остальных 13 мирутских узников были снижены сроки наказания.

Снижение сроков наказания и полная отмена их в отношении части мирутских узников были результатом массового движения протеста, повлиявшего на британских империалистов. Это была огромная победа организованного международного общественного мнения.

Международная кампания солидарности продолжалась и после опубликования приговоров Аллахабадского высшего суда.

На этом новом этапе движение сосредоточилось на требовании безусловного и немедленного освобождения 13 мирутских узников, ещё томившихся в заточении. Внутренняя по масштабу и интенсивности международная кампания солидарности не могла не произвести соответствующего воздействия на правительство Англии и вице-короля Индии. Кроме того перед властями стояла задача — несколько подготовить внутриполитическую обстановку в Индии для принятия новой индийской «конституции». В связи с этим британские власти в Индии решили сделать «благородный жест», досрочно освободив 15 ноября 1933 года 9 осуждённых.

Позднее, в сентябре 1934 и в июле 1935 г., были освобождены также остальные 4 мирутских узника, приговорённые к более длительным срокам тюремного заключения. Таким образом, грандиозная судебная провокация английских империалистов закончилась их полным провалом.

Смягчение и частичная кассация судебных приговоров в Аллахабадском высшем суде, а затем досрочное освобождение мирутских

²² Там же, от 3 июля.

²³ Там же, от 24 июня.

²⁴ «Advance» от 17 января 1933 года.

менты» и таинственные шифрованные письма. По существу, это было контробвинение в подлоге, предъявленное подсудимыми англо-индийским властям и полиции. «Мои речи были так искажены и перепутаны, что во многих местах их смысл был изменён. Речи, которые считаются моими, фактически наполовину мои, наполовину их авторы являются полицейские репортёры»²², — заявил Хетчинсон.

Бредли рассказал, как полиция сочиняла «шифрованные» письма: «Полиция перехватывала невинные дружеские послания и на их основе выдумывала таинственные письма»²³.

Обвиняемые резко подчеркнули на процессе буржуазно-классовый характер возбуждённого против них судебного преследования. Опровергнув вымышленную обвинением версию об организации антиправительственного заговора в Индии, коммунисты — мирутские узники — вместе с тем широко использовали трибуну суда для разоблачения политики английского империализма в Индии, для пропаганды марксистско-ленинского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Они дали ясную оценку всем вопросам революционного движения в Индии и роли рабочего класса в национально-освободительной борьбе. Таковы были выступления большинства обвиняемых по Мирутскому делу.

Только незначительная часть обвиняемых (национал-реформисты различных оттенков) заняла позицию личной защиты, сбиваясь на неуместные оправдания.

Дальнейшая часть процесса протекала в период пребывания у власти «национального» правительства.

На судьбе мирутских узников эта перемена, конечно, не отразилась, и машина судебного террора британских империалистов в Индии довела дело до конца. Согласно решению сессии суда Йорка по Мирутскому делу 16 января 1933 г., были признаны виновными и приговорены: Музаффер Ахмед — к пожизненному заключению в каторжной тюрьме; Данге, Джоглекар, Гате, Спратт, Нимбар — к 12 годам тюрьмы; Усмани, Мираджкар и Бредли — к 10 годам заключения; Говсами, Сохан Сингх Джош, Меджид — к 7 годам; Адхикари, Пуран Чанд Джоши, Прасад, Десей — к 5 годам; Чакроверти, Басак, Митра, Джабвала, Хетчинсон, Сейгал — к 4 годам; Худа Шанкер, Альв, Кадам, Касл — к 3 годам; лишь трое подсудимых — Мукерджи, Гхош и Банерджи — были оправданы²⁴. При этом осуждённым не были засчитаны те 4 года предварительного заключения, в течение которых длился процесс.

После оглашения приговора тюремный режим для мирутских узников стал совершенно невыносимым. Заключённых изнурили нестерпимо частыми проверками; они не имели права спать на койках, а обязаны были спать на соломенных циновках, которые клали прямо на землю; их заставляли выполнять тяжёлую физическую работу: но-

сить груз, качать воду, молотить кукурузу или зерно, давить масло, вить верёвки. За работой наблюдали надсмотрщики из наиболее жестоких уголовников, беспощадно избивавшие осуждённых; их морили голодом. Медицинская помощь отсутствовала. Долгое время мирутские узники были лишены права пользоваться книгами и газетами. Только раз в три месяца они имели право получать и посылать письма родным.

Неслыханно жестокие приговоры судьбы Йорка над мирутскими узниками вызвали сильное возмущение мирового общественного мнения. Кампания международной солидарности и протеста против судебной расправы с мирутскими узниками охватила широкие прогрессивные круги не только в самой Индии, но и в Англии, Франции, Дании, Ирландии, Германии, Австрии и в других странах. В ней приняли участие выдающиеся писатели и учёные: Ромэн Роллан, Герберт Уэллс, проф. Эйнштейн, проф. Тоуни, юрист Притт и др. Кампания приняла такие размеры, что под давлением мирового общественного мнения британские империалисты вынуждены были пойти на «исправление» слишком неуклюжей работы сессии суда Йорка. В апелляционной инстанции, в Аллахабадском высшем суде, приговоры Йорка были пересмотрены и смягчены, а частью и вовсе кассированы. Так, 9 обвиняемых были оправданы, 5, просидевших в тюрьме до осуждения в предварительном заключении свыше 4 лет, Аллахабадский высший суд решил освободить. Для остальных 13 мирутских узников были снижены сроки наказания.

Снижение сроков наказания и полная отмена их в отношении части мирутских узников были результатом массового движения протеста, повлиявшего на британских империалистов. Это была огромная победа организованного международного общественного мнения.

Международная кампания солидарности продолжалась и после опубликования приговоров Аллахабадского высшего суда.

На этом новом этапе движение сосредоточилось на требовании безусловного и немедленного освобождения 13 мирутских узников, ещё томившихся в заточении. Внушительная по масштабу и интенсивности международная кампания солидарности не могла не произвести соответствующего воздействия на правительство Англии и вице-короля Индии. Кроме того перед властями стояла задача — несколько подготовить внутриполитическую обстановку в Индии для принятия новой индийской «конституции». В связи с этим британские власти в Индии решили сделать «благородный жест», досрочно освободив 15 ноября 1933 года 9 осуждённых.

Позднее, в сентябре 1934 и в июле 1935 г., были освобождены также остальные 4 мирутских узника, приговорённые к более длительным срокам тюремного заключения. Таким образом, грандиозная судебная провокация английских империалистов закончилась их полным провалом.

Смягчение и частичная кассация судебных приговоров в Аллахабадском высшем суде, а затем досрочное освобождение мирутских

²² Там же, от 3 июля.

²³ Там же, от 24 июня.

²⁴ «Advance» от 17 января 1933 года.

узников явились убедительным доказательством полного краха всей затеи — инсценировать процесс по поводу сочинённого властями «всеиндийского коммунистического заговора».

По замыслам организаторов Мирутского процесса, суд должен был ослабить антиимпериалистическое движение, раскрыть «коммунистический заговор» в Индии и тем самым сыграть крупную роль в деле идеологической подготовки к новой антисоветской войне.

Однако дальнейшее развитие индийского рабочего движения показало серьёзный рост влияния коммунистов в результате Мирутского процесса. На сотнях митингов в городах и деревнях, в сотнях резолюций протеста против произвола британских колониальных властей в Индии рабочие и крестьяне называли мирутских узников своими товарищами и с любовью говорили о них, как о героях рабочего класса и индийского народа. Эти факты свидетельствовали о том, что мирутские узники не были одиночками, что за ними стояли сотни тысяч рабочих и крестьян. Именно поэтому на голос мирутских узников откликнулось мощное эхо выступлений народных масс не только в Индии, но и за её пределами.

Выступления коммунистов на мирутском суде нанесли серьёзный удар по национал-реформистским иллюзиям в рабочем движении Индии и способствовали завершению процесса формирования индийской коммунистической партии.

В сентябре 1933 г., когда большая часть коммунистов, осуждённых по Мирутскому процессу, была освобождена, началась энергичная работа по созданию единой коммунистической партии Индии. Уже в 1933 г. был организован временный центральный комитет компартии. С этого времени коммунистическая партия Индии, несмотря на правительственные преследования, выступала как партия индийского пролетариата, прочно занявшая место в передовых рядах борцов за дело национальной независимости Индии. Из года в год возрастало влияние коммунистической партии на всё более широкие слои индийского рабочего класса. Коммунисты развернули успешную борьбу с национал-реформистами, окопавшимися в индийских профсоюзах.

Мирутский процесс был ярким образцом империалистической юстиции в колониальной стране. Британские власти в Индии и английское правительство, санкционировавшее Мирутский процесс, добились лишь дискредитации колониального судебного аппарата. Процесс продемонстрировал вместе с тем полное единство целей и методов консерваторов и лейбористов. Он помог вскрыть тот факт, что в колониальной политике лейбористская партия является такой же империалистической партией, как и партия твердолобых консерваторов.

Второе лейбористское правительство в своей колониальной политике оказалось стопроцентным «доброрядочным» буржуазным правительством. Неуклонно следуя примеру консерваторов, оно продолжило политику раскола индийского националь-

ного движения. Так, по директиве Макдональда, представителях Англии на первой и второй конференциях «круглого стола» (1930—1931) настаивали на организации представительства в Индии по религиозно-общинному признаку. Тщетно представители индусов и сикхов выступали на этих конференциях с возражениями против религиозно-общинного представительства и курьезных выборов. В 1932 г. был сформулирован «общинный закон», сделавший принцип религиозно-общинного представительства обязательным.

Вместе с тем правящая лейбористская верхушка ясно сознавала, что чересчур откровенная империалистическая колониальная политика может вызвать протест и возмущение среди прогрессивных кругов Англии и со стороны рядовой партийной и профсоюзной массы, шедшей за лейбористами.

Под давлением рабочих масс лидеры «левого» крыла лейбористской партии — Броквуд, Мэкстон, Кирквуд — разыгрывали роль оппозиции по отношению ко второму лейбористскому кабинету. Они неоднократно выступали с запросами в парламенте о судьбе мирутских узников. Однако ни со стороны Броквуда, ни со стороны Кирквуда ничего существенного для облегчения участи жертв инсценированного процесса предпринято не было. Лейбористские же лидеры тред-юнионов — Кук и Персель — не остановились даже перед грязной клеветой по адресу мирутских узников, обвинив последних в присвоении каких-то мифических денег, якобы адресованных английскими тред-юнионами индийским профсоюзам.

В первые дни процесса газета лейбористов «Дейли геральд» по поводу отношения к Мирутскому делу писала: «Процесс должен продолжаться, раз он уже начат» и «аппарат правосудия должен продолжать свою работу»²⁵.

Таким образом, второе лейбористское правительство Англии, лицемерно прикрываясь личиной «невмешательства», активно проводило политику разгрома революционного рабочего движения в Индии и добивалось этого, в частности, путём продолжения террористического Мирутского процесса. Характерен следующий факт. На заседании магистратского суда М. Уайта 12 июня 1929 г. подсудимые потребовали от судьи разрешения послать премьер-министру Макдональду телеграмму. В телеграмме заключались просьба о восстановлении незаконно попраных прав обвиняемых и пожелание перенести процесс в суд присяжных в Англию. «Теперь, когда британский труд вернулся к власти, — писали мирутские узники в своей телеграмме, — будет ли восстановлен в своих правах индийский труд? Будет ли отменено антирабочее законодательство, и будет ли перенесён суд по Мирутскому делу ввиду его значения для индийского и международного движения, из этой отсталой части страны в суд присяжных метрополии»²⁶.

Эта телеграмма осталась без ответа.

²⁵ «The Daily Herald» от 26 июня 1929 года.

²⁶ «The Times of India» от 13 июня 1929 года.

Просьба о перенесении Мирутского дела в суд присяжных возбудилась неоднократно и позже, причём обращения по этому поводу посылались по трём линиям: в судебный совет вице-короля Индии, в министерство по делам Индии, а также в те судебные инстанции, которые проходил процесс. Возбуждался также ходатайства о неподсудности дела о «всеиндийском коммунистическом заговоре» перед магистратом Мирута, а позже в сессионном суде²⁷. Выдвигалось обоснованное требование, в порядке статей 275-й и 443-й индийского уголовно-процессуального кодекса, о перенесении Мирутского дела в суд присяжных. Но все просьбы и требования мирутских узников были тщетны. Второе лейбористское правительство Макдональда, внешне занимая позицию «невмешательства» в дела «правосудия» в Индии, в действительности предоставило полную свободу судебной расправы с мирутскими узниками консерватору, вице-королю Ирвину. Такая позиция лейбористского правительства не была случайной. Ещё до прихода к власти второго лейбористского правительства Макдональда, стараясь завоевать политическое доверие британской империалистической буржуазии, говорил на одном из митингов в 1929 г.: «Дайте нам придти к власти, и я остановлю преступную деятельность этой организации (Коминтерна) не только в Индии, но и на всём колониальном Востоке»²⁸. Очевидным было стремление второго лейбористского правительства «угодить» британской буржуазии своей империалистической колониальной политикой в Индии.

Кроме того второе лейбористское правительство не хотело вмешаться в Мирутский процесс, руководствуясь определёнными лакейскими соображениями по отношению к своим хозяевам из английской буржуазной олигархии.

У Макдональда и других правых лейбористских лидеров, составивших второе «рабочее» правительство, было ещё очень свежо в памяти дело коммуниста Джона Кемпбелла, из-за которого в 1924 г. первого лейбористскому правительству пришлось уйти в отставку²⁹.

²⁷ «The Bengalee» от 7 мая 1929 года.

²⁸ Цит. по брошюре «The prisoner's reply», р. 7.

²⁹ Обстоятельства падения первого лейбористского правительства откровенно рассказал в своей автобиографии член обоих лейбористских правительств Филипп Сноуден. Коротко суть дела заключалась в следующем. В 1924 г., в период пребывания у власти первого лейбористского правительства Макдональда, коммунист Кемпбелл был привлечён к судебной ответственности за призыв в печати к английским солдатам и матросам не применять оружия против бастующих рабочих. Суд над Кемпбеллом вызвал широкое и бурное возмущение рабочих. Не имевшее состава преступления «дело Кемпбелла» было прекращено министром юстиции по указанию самого Макдональда. Тогда, в свою очередь, большой шум подняли консерваторы. Дело дошло до постановки в парламенте вопроса о доверии лейбористскому кабинету и назначении новых выборов в пар-

В этой связи орган либералов «Манчестер гардиан» писал в передовой от 9 декабря 1929 г.: «Мы хорошо понимаем, почему лейбористское правительство не решается вмешаться в Мирутский процесс. Процесс был начат при правительстве Болдуина, а Макдональд, которому однажды уже крепко досталось в связи с делом коммуниста Кемпбелла (в 1924 г.), не желает, чтобы коммунисты опять насолчили ему в связи с Мирутским делом»³⁰.

Что дело обстояло именно так, подтвердилось впоследствии в беседе Найт Хетчинсон (мать одного из обвиняемых англичан) с помощником лейбористского министра по делам Индии Дреммондом Шильдсом. Найт Хетчинсон просила Шильдса вмешаться в Мирутское дело и освободить без вины подвергнутого судебному преследованию мирутских узников и, в частности, освободить её сына, молодого журналиста Худжа Лестера Хетчинсона. В ответ на упрёки о полном равнодушии лейбористского правительства к судьбе индийских профсоюзных лидеров, незаконно подвергнувших судебной репрессии, Шильдс ответил: «Вы же видите, в каком положении мы находимся. Так что же мы можем сделать? Вам известно, как мы потеряли наш прежний кабинет из-за вмешательства в процесс Кемпбелла, теперь же мы не хотим потерять этот кабинет из-за мирутского суда»³¹.

Лейбористский министр по делам Индии Бен мог, разумеется, прекратить вздорный Мирутский процесс; он имел возможность хотя бы частично облегчить тюремный режим и условия организации юридической защиты мирутских узников, но Бен не сделал ничего, предпочитая как подлинный империалист неизменно проводить провокационную судебную инсценировку.

Лондонский комитет защиты мирутских узников правильно оценил такое отношение лейбористов к процессу как неизменное продолжение политики твердолобых консерваторов, кабинет которых сменило второе лейбористское правительство. В одном из своих обращений к английским рабочим Лондонский комитет защиты мирутских узников писал: «С тех пор как лейбористское правительство стало у власти, все усилия освободить их (мирутских узников.— Н. С.) или даже гарантировать им соответствующие облегчения для защиты были безрезультатными»³².

Отношение лейбористских лидеров к подламент. В период выборной кампании консерваторы выпустили известную фальшивку под названием «письма Коминтерна». Макдональд вместо того, чтобы разоблачить консерваторов, авторов фальшивки, принял дипломатический демарш против Советского Союза. В результате всей этой истории первому лейбористскому кабинету пришлось уйти в отставку (Snowden Ph. An Autobiography, p. 747).

³⁰ «The Manchester Guardian» от 9 декабря 1929 года.

³¹ «The Bombay Chronicle» от 18 февраля 1930 года.

³² «The Daily Worker» от 1 апреля 1930 года.

судимым по Мирутскому процессу не изменилось и после того, как прекратило своё существование второе лейбористское правительство. Правда, лейбористские лидеры стали теперь ещё более усиленно маневрировать. На ежегодной лейбористской конференции в Скарборо (1931) была принята резолюция по вопросу о Мирутском процессе, осуждавшая отношение лейбористского правительства к мирутским узникам и требовавшая их освобождения. Дошло до того, что 10 апреля 1933 г. сам Бен выступил в роли интерpellатора по поводу мирутских подсудимых³³.

В мае 1933 г. лейбористы выпустили брошюру-памфлет с претенциозным заголовком «Мирут — освободите узников!» Предисловие к брошюре было написано Уолтером Ситрином. Ситрин писал, что брошюра издана «в надежде на то, что это повествование о правдивых фактах пробудит общественный дух граждан к тому, чтобы они поддержали требования об освобождении преследуемых людей»³⁴.

Газета британских коммунистов «Дейли уоркер» в связи с выходом указанного памфлета писала по поводу лицемерия верхушки лейбористской партии: «Рабочие, прочитавшие этот памфлет, удивятся, почему он издан... Второе лейбористское правительство могло, если бы оно захотело, прекратить Мирутский процесс и освободить наших товарищей несколько лет назад. Брошюра сама по себе, — заканчивала газета, — явилась полным осуждением политики второго лейбористского правительства»³⁵.

17 июля 1933 г., во время прений в палате общин по вопросам индийской политики «национального» правительства, выступил Джордж Ленсбери, бывший член лейбористского правительства Макдональда, «Мирутские приговоры, — заявил Ленсбери, — очень жестоки». Этот бывший лейбористский министр вынужден был объяснять, почему политический процесс крупнейшего значения был организован властями в небольшом, захолустном городке, каким является Мирут. Ленсбери признал, что Мирут был избран местом суда именно для того, чтобы избежать необходимости судить мирутских узников судом присяжных: «Их судили в Мируте затем, чтобы избежать осложнений из-за суда присяжных. Против них не было представлено никаких доказательств относительно организации преступного заговора»³⁶.

Эта позиция Ленсбери, явившаяся результатом давления общественного мнения, разумеется, не была и не могла быть последовательной. Его критика не затронула ярких проявлений колониального империализма «национального» правительства Макдональда. Лейбористские деятели обходили молчанием факты расстрела демонстраций и введения осадного положения в Индии, факты кровавого подавления восстаний негров Нигерии, Гамбии, Кении, Южно-Африканского Союза, факты империалистического террора в коло-

ниях, факты, за которые целиком был ответственен Рамзей Макдональд.

Как известно, в августе 1931 г. Макдональд, Сноуден и Томас были исключены из рядов лейбористской партии. Исключение Макдональда, Сноудена и Томаса явилось в какой-то степени попыткой со стороны руководства лейбористской партии отмежеваться от них, потому что слишком открытый переход Макдональда и К^о к союзу с консерваторами и либералами для проведения политики английской империалистической буржуазии вызвал бурное возмущение масс. Исключение бывших лидеров из лейбористской партии преследовало единственную цель — сохранить престиж лейборизма в рабочем классе, чтобы и в дальнейшем продолжать преступную империалистическую политику.

Руководство лейбористов пыталось показать рабочему классу Великобритании, что между политикой консерваторов и политической лейбористов существует якобы определённое различие. В действительности, как было показано выше, дело обстоит иначе.

Лейбористы в лице правых лидеров — Макдональда, Сноудена, Томаса, Бена, — вошедших в состав второго лейбористского кабинета, полностью копировали политику консерваторов. В своей колониальной политике, в частности по отношению к Индии и к мирутским узникам, второе лейбористское правительство ярко обнаружило свою империалистическую сущность.

Затеявая инсценировку Мирутского процесса, консервативное правительство Болдуина преследовало далеко идущие империалистические цели. Болдуин и его коллеги старались показать, что коммунистическое движение является угрозой для всего капиталистического мира, а не только для британского господства в Индии. Оголтелье реакционеры надеялись использовать Мирутский процесс для идеологической подготовки антисоветской войны. Болдуин кроме того хотел нанести сокрушительный удар по успешно развивавшемуся революционному рабочему движению в Индии, имея в виду в первую очередь коммунистов. Во исполнение этих планов британские колониальные власти вознамерились обезглавить революционное профсоюзное движение и терроризовать народные массы в Индии арестами и судом. Наряду с этим британские власти желали припугнуть пришедшие в движение с 1927 г. национальную индийскую буржуазию и мелкую буржуазию, а также крестьянство жупелом «коммунистической революции». Они полагали, что таким путём эти классы Индии будут более уступчивыми и сговорчивыми с британскими империалистами.

Далее, колониальные власти пытались пресечь помощь европейским и особенно английским коммунистам индийскому революционному движению. Инсценировка Мирутского процесса, по замыслу его организаторов, должна была дать повод для усиления колониального террора в Индии. Суд должен был кроме того сыграть роль эффектного предвыборного трюка в интересах консерваторов, так как в мае 1929 г. в Англии предстояли очередные парламентские выборы. Однако этим замыслам консерваторов не суж-

³³ «The Bombay Chronicle» от 11 апреля 1933 года.

³⁴ «The Daily Worker» от 31 мая 1933 года.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, от 19 декабря 1933 года.

дено было претвориться в жизнь. Английский народ в мае 1929 г. не дал консерваторам вести себя в заблуждение. Он поверил лейбористам, выступившим на выборах с широкими демагогическими обещаниями социальных реформ. Придя к власти, второе лейбористское правительство, составленное правыми лидерами во главе с Рамзеем Макдональдом, «забыло» о предвыборных обещаниях своей партии. Наоборот, Макдональд и К^о постарались доказать британской буржуазии, что лейбористы могут проводить внутреннюю и внешнюю империалистическую политику, как «добропорядочное» сто процентное буржуазное правительство.

В течение более чем двух лет пребывания у власти второго лейбористского кабинета Макдональд, Сноуден, Бен и другие члены правительства, делая вид, что они не вмешиваются в «правосудие», предоставили мирутских узников произволу колониального суда и на деле душили революционное движение в Индии. Несправедливый, провокационный Мирутский процесс по измышленному обвинению против 31 деятеля левого профсоюзного движения в Индии был доведен до конца. Заведомо невинные люди были осуждены по состряпанному полицейскими чиновниками обвинению в никогда не существовавшем «всеиндийском коммунистическом заговоре». Однако вся эта хитроумная судебная провокация в конечном счёте закончилась полным провалом. Долголетние каторжные приговоры мирутским узникам под давлением мировой прогрессивной общественности пришлось сначала смягчить, а позднее вовсе отменить и досрочно выпустить осуждённых.

Таким образом, Мирутский процесс дал результаты, прямо обратные тем, на которые он был рассчитан его вдохновителями и организаторами — британскими империалистами.

Массовое народное движение и, в частности, профсоюзное движение и стачечная борьба в последующие по окончании Мирутского процесса годы не только не прекратились, а, наоборот, усилились.

Не удалось также пресечь пути к развитию коммунистического движения в Индии. 1933 год — год окончания Мирутского процесса — явился годом основания Всеиндийской коммунистической партии. Таким образом, Мирутский процесс явился серьёзным подготовительным этапом в формировании Всеиндийской коммунистической партии.

На Мирутском процессе индийские коммунисты дали свою оценку всем проблемам ре-

волюционного движения в Индии и ведущей роли рабочего класса в национально-освободительной борьбе. В процессе суда революционный пролетариат Индии ещё резче отмежевался от национал-реформистской буржуазии. В дальнейшем это обстоятельство стало важнейшей предпосылкой для успешного осуществления единого рабочего и единого национального антиимпериалистического фронта, созданного при поддержке и ближайшем участии коммунистической партии Индии.

Что касается лейбористов, то в лице своих правых лидеров, составивших второе лейбористское правительство, они сами разоблачили себя в ходе Мирутского процесса. Своей колониальной политикой в Индии они доказали, что лейбористы — такие же махровые империалисты, как и твердолобые консерваторы.

Мирутский процесс имел и имеет крупное политическое значение. В ряду всемирноизвестных процессов он стоит рядом с делом Дрейфуса, поджогом рейхстага и процессом Димитрова, делом Сакко и Ванцетти и процессом Тома Муни.

Международная фашиствующая буржуазия и в настоящее время пытается применить те же реакционные методы, какие английская буржуазия применяла в деле мирутских узников.

Достаточно вспомнить провокацию с нашумевшим протоколом «М» в Западной Германии в 1948 году, за который с таким лакейским усердием ухватились правые лидеры немецких социал-демократов во главе с Шумахером и реакционные вожди британских лейбористов — Бевин и Макнил.

То же самое можно сказать и о происходящем в настоящее время провокационном судебном преследовании 12 лидеров американской компартии, начатом фашистской кликой Уолл-стрит в Нью-Йорке в январе 1949 года.

Полицейские и охранительные органы реакционной буржуазии, как видно, ничего не могли придумать нового со времени Мирутского процесса.

Как и тогда, они широко применяют методы грязных измышлений, провокаций и лжесвидетельств, чтобы подорвать и ослабить демократическое и освободительное движение трудящихся против империализма. Но так же, как и тогда, провокационные затеи фашиствующей буржуазии завершатся неизбежным провалом.